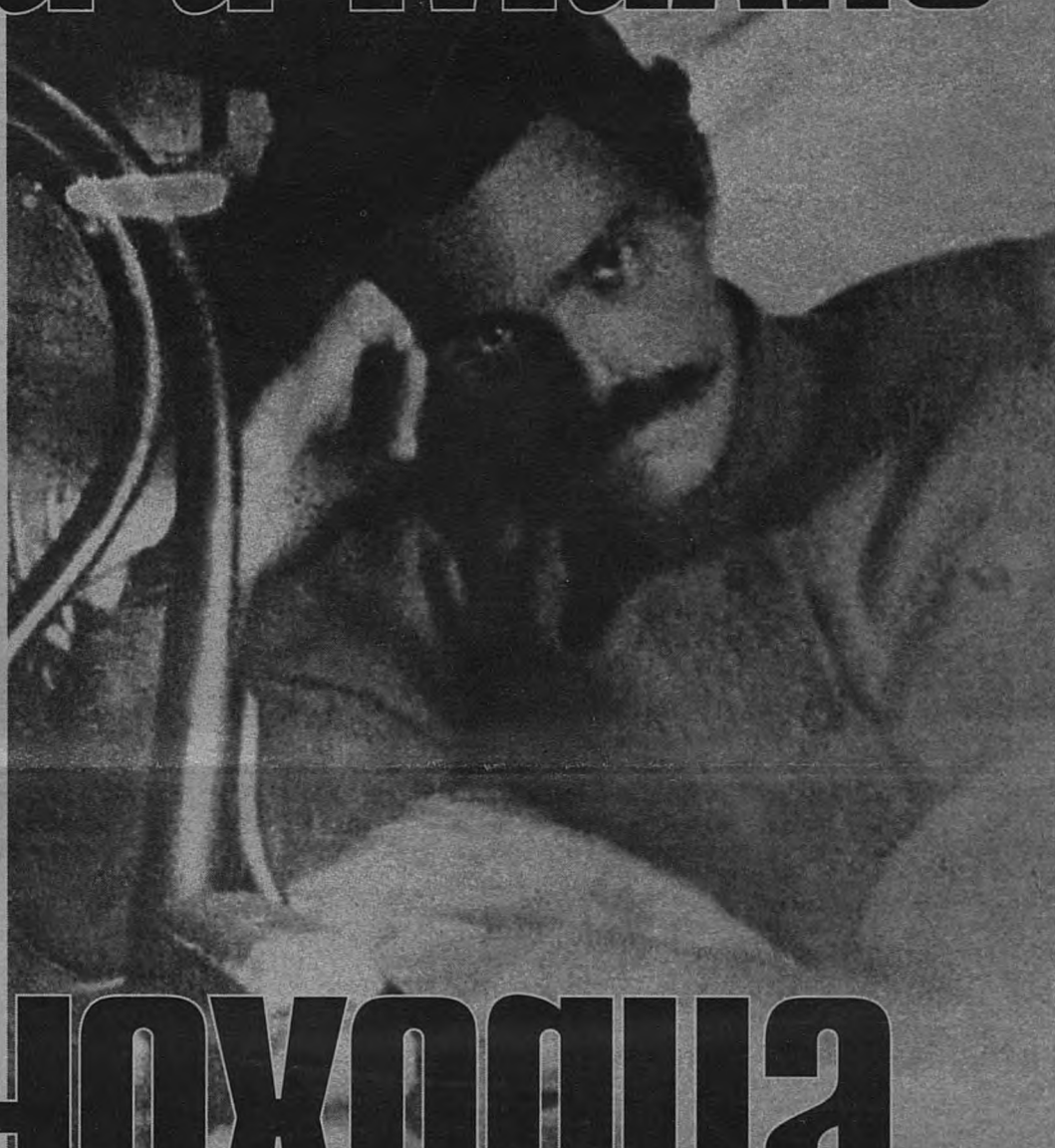
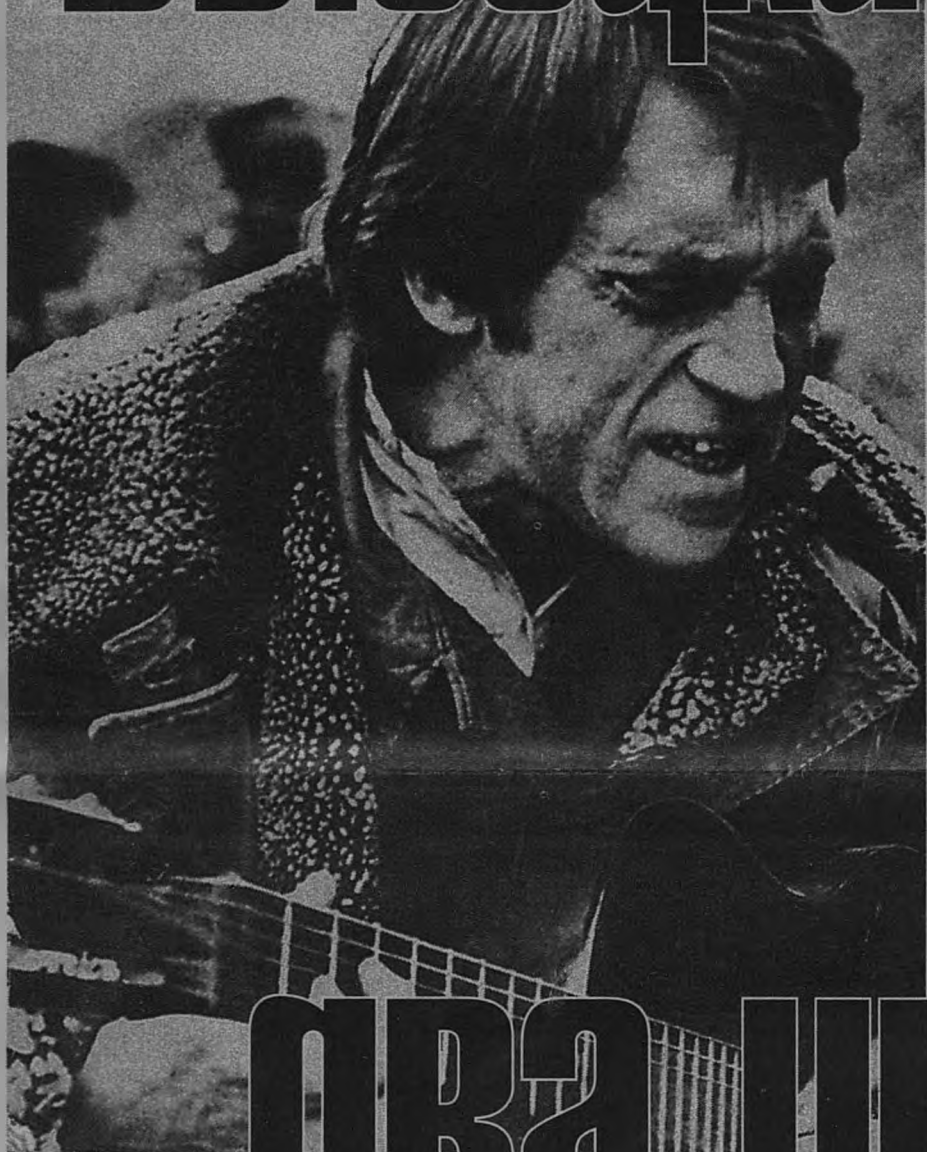

Кумиры

Это лишь один эпизод многолетней дружбы автора, Давида КАРАПЕТЯНА, с Владимиром Высоцким. Познакомились они, когда Давид (переводчик с итальянского, работавший в кино на съемках советско-итальянских фильмов «Красная палатка» и «Ватерлоо») уже был влюблен в песни Высоцкого, ощущал масштаб его дарования, а потому относился к нему как к старшему брату — восхищался, старался запомнить каждую мелочь, помогал чем мог.

Высоцкий и Махно-

два иноходца

Весной 1970 года я был поглощен сумасбродной, казалось бы, идеей. В то время я много читал о Махно и его эпохе; догадывался, что он был совсем не таким, каким его изображали в книжках и кино.

У меня сложилась своя, больше интуитивная, версия мятежного атамана. Творец «третьей социальной революции», он мог стать генералом и у гетмана, и у Петлюры, и у Деникина с Врангелем. Кавалер ордена Красного Знамени (четвертый!), он мог получить большой чин и у красных. Но «мирному вращению в социализме» Нестор Махно предпочел последовательную борьбу со всеми режимами и голодную независимость в эмиграции. Мне он виделся героем античных трагедий, бросающим вызов Року. Сама махновщина казалась мне не спасительным рецептом кооперативного счастья, а призывом стряхнуть с себя холопство и вновь захит «по своей воле и правде», вне эдиктов и рескриптов партийных прохвостов. Бегством от надзора государства под опеку Природы, счастливым совпадением бунта личности с разгулом украинской стихии, дерзновенной попыткой выговориться перед Историей. Оставалось лишь впрячь этот опрометчивый анархо-идеализм в пулеметную тачанку — эту огненную колесницу Фазтона, на всем скаку под черным стягом Свободы ворвавшуюся в кровавую сумятицу Гражданской войны, испепелившую в ней и себя, и своего демонического возницу. Но из этой горстки пепла расцвел поэтичнейший из мифов русской революции — эпопея махновщины. Тоска о несбыточном Ладомире, где наконец-то

осуществится хлебниковское: «Я вижу конские свободы и равноправие коров».

...В итоге всех этих мучительных раздумий я задумал написать сценарий о махновской вольнице и уговорить Тарковского сделать по нему фильм. Мало того, мне страстно хотелось, чтобы Нестор Махно в фильме играл Владимир Высоцкий и чтобы в финальной сцене (после перебега жалких остатков махновской армии через Днестр) Володя спел «Охоту на волков». Не больше и не меньше. Какой кадр! Румынская погранзаезда, Высоцкий-Махно и — «Но остались ни с чем егеря...»

В общем, весной 1970 года я на полном серьезе собирал материал и мечтал о поездке по махновским местам.

Одному ехать не хотелось, о Высоцком как о возможном спутнике я тогда не думал и о своей навязчивой идее ему не заикался.

Но дальше началась цепь странных совпадений, каких было немало в истории нашей дружбы. Как-то Володя пришел ко мне домой и ни с того ни с сего задумчиво сказал:

— Ты знаешь, оказывается, Махно никого не расстреливал, хотя постоянно грозился, мол, лично расстреляю. Это все вранье, что нам про него рассказывают.

Я буквально подскочил на стуле:

— А откуда ты об этом знаешь?! Ты что, интересуешься Махно?

Володя в ответ рассказал, что Валерий Золотухин утвержден на роль Махно в фильме «Салют, Мария!» и что ему для работы над ролью принесли из спецхрана рукопись воспоминаний Галины Кузьменко, вдовы атамана.

Когда до меня дошел смысл сказанного, я бросился к моей соседке, актрисе Театра на Таганке Татьяне Иваненко, и стал умолять ее переговорить с Золотухиным — пусть он хоть на несколько дней даст мне эту рукопись. Взамен обещал одолжить Валерию трехтомник Мандельштама американского издания. Изумлению Золотухина, по словам Татьяны, не было предела: ничего он о рукописи Кузьменко не слышал и никто ему ее не давал. Получалось, что Володя все это придумал. Но мне теперь почему-то кажется, что Золотухин просто состорожничал...

Позже выяснилось еще одно совпадение: дядя Андрея Тарковского, уроженец Екатеринослава, работал секретарем у Махно. Более того, у Андрея имелись ценные материалы об истории махновщины, и он готов был мне их предоставить. (Последнее в этой череде совпадений выяснилось после ухода Высоцкого из жизни: день смерти Нестора Махно — 25 июля...)

В общем, я решил, что настала пора посвящать Володю в мои «махновские» замыслы. Володя отнесся к ним с неожиданным интересом.

При разговорах о будущем сценарии я особенно напирал на то, что без «Охоты на волков» (которой я тогда буквально бредил) не будет и самого фильма: уж очень точно отражала эта песня судьбу и самого Махно, и поднятого им народного движения. Уверял, что «Охота» — одна из вершин романтической поэзии, что ею, в сущности, исчерпывается «волчья» тема, восходящая к «Смерти волка» Альфреда де Виньи. Видимо, эти мои восторженные высказывания и привели — уже много позже — к такому вот интересному Володиному признанию. В ответ на

мои слова, что его «Нинку» можно считать гимном анархическому своеволию, он очень серьезно возразил: «Нет, не «Нинка», а «Охота на волков» — настоящий гимн Анархии».

□ □ □

...Дальше — больше. Именно в то лето домой к Высоцкому дважды приходил какой-то молодой человек из Донецка. Володя тогда был в плохом состоянии, но во второй раз я «дежурил» около него и смог поговорить с приехавшим. Оказалось, что он работает в Донецке в какой-то студии звукозаписи, делает «левые» записи популярных певцов и ими торгует — в общем, делец и ловчила. Обещал большие деньги, если Володя приедет в Донецк. Мне он не понравился сразу — неприятнейший субъект с мутными глазами. Тем не менее я пересказал Володе этот разговор. Деньги ему, естественно, нужны были всегда, на мои предостережения и опасения он отреагировал слабо. И, когда вскоре я в очередной раз завел разговор о Гуляйполе, Володя задумчиво сказал:

— Мне вообще-то надо бы съездить в Донецк. Этот тип из студии звукозаписи — что ты о нем думаешь?

Я подскочил на месте.

— Поехали! Гуляйполе и Донецк — это рядом.

Володя поддержал мою идею — совместить приятное с полезным: рационализм в нем (на трезвую голову) всегда присутствовал. Что тут же проявилось еще и в такой детали. Перед самым отъездом из Москвы — ночевали у меня дома — он предложил взять с собой мой большой джинсовый мешок.